

Нуб детектед (от *англ.* Newbie — новичок, букв. «новичок обнаружен») — стандартная жаргонная фраза оскорбительного характера, указывающая на то, что новичок не знает правил данного форума либо онлайн-игры и представляет собой или посмешище для опытных игроков, или легкую мишень.

ГЛАВА 1

Летопись Кезона. Возвращение

Горизонт стремительно наливался свинцом и темнел. Волны уже не просто перехлестывали через борт ненадежного суденышка, а норовили опрокинуть, перевернуть его. Язык горел от морской воды, горели раны, порезы, и даже кишки горели неистовым пламенем богини Весты. Кезон нерешительно подергал шерстяной пояс, служивший ему веревкой. Проверил узлы, развязал, затянул потуже. Центральные звенья плота держались крепко, остальные ходили ходуном. Он снял со своих плеч накидку, еще хранившую остатки пурпура. Помогая себе зубами, стал рвать ее на длинные полосы и обвязывать ими доски и бревна. Один раз его руку зажало под водой между звеньями. Кезон зарычал от боли. Сдирая кожу, вырвал из тисков кисть руки, мрачно посмотрел на раздавленную подушку пальца и выданный с мясом ноготь. Попытался сглотнуть комок тягучей слюны. Пересохшее нутро ответило спазмом, сотрясшим в конвульсиях тело. Кезон упрямо, до крови, закусил губу и с пришедшей отрезвляющей болью опять принялся за работу. Из последней ленты он сделал петлю. Один конец накинул на самое толстое бревно, второй намотал вокруг неповрежденной руки. Обвязаться и прикрепить свое тело к плоту? Он решительно отмел эту мысль. В свирепой ярости надвигающегося шторма верх и низ плота будут меняться с каждой новой

волной. Лишить себя подвижности — значит приговорить к мучительной гибели.

Он закончил крепить плот и в тоскливом безысходном ужасе обратил свой взор к небесам. Сколько уже несет его попутное течение? Сколько еще длинных, мучительных, наполненных отчаянием сотен стадий до спасительного Баркида? А впереди буря, неистовая буря. Кезон прижался щекой к холодному черному дереву, скользкому от морской воды, и с зубовным скрежетом замычал. Резкий порыв ветра унес его хриплый стон куда-то в безоглядную пустоту океана. И не верилось уже, что не более двух страж прошло со дня, когда он в белоснежной тоге с пурпурным омофором на могучих плечах стоял на носу флагманской либуры и со снисходительностью уверенного в мощи своего флота победителя взирал на приближающийся вражеский берег. Герой, объект почти мистического поклонения, пожираемый сотнями восторженных глаз. Теперь же он, полководец без армии, владыка без державы, почти полубог без фанатичных сторонников — всего лишь щепка на бескрайних морских просторах, одинокий скиталец, гонимый штормовым ветром судьбы. И, как горизонт, темно и непроглядно его будущее.

Кезон поднял тяжелую голову и сквозь мутную пелену надвигающегося безумия вновь поглядел ввысь. Оставалась надежда, что растворятся небеса, и на его грешную голову низвергнется дождь. Вода, спасительная пресная вода умягчит его раздираемое солью горло и даст новые силы бороться. И действительно, вскоре за первыми робкими каплями целые потоки холодного ливня хлынули на разбушевавшееся море. Прилипнув всем телом к плоту, обжав его ногами, не обращая внимания на свирепые барашки волн, Кезон запрокинул голову и пил, пил драгоценную влагу. Он оторвал клочок от своей тоги, подождал, пока тот намокнет, и выжал в рот тонкую струйку. Колики по-прежнему крутили внутренности тугими кольцами боли, но утоление жажды прояснило рассудок. А ветер все крепчал. Гребнистые предвестники бури еще круче нависали над ним и били Кезона своей упругой несокрушимой мощью. Несколько раз скорлупку плота переворачивало,

но он, ломая ногти, отчаянно взбирался наверх, воюя за возможность дышать и не дожидаясь момента, когда следующая волна обрушит на него свою ярость. В темно-серых клубах сомкнувшихся над его головой туч ему грезилась исполинские длани богов, грозившие и порицавшие.

— Владыка моря, Посейдон, за что ты караешь меня? — выкрикнул Кезон во тьму океана, но лишь новый резкий порыв ветра был ему ответом.

Штормовые валы бросали его лицом на бревна, но он больше не чувствовал вкуса крови на своих губах. Исчезли мужество и страх, безысходность и решимость, осталась лишь тупая звериная борьба со стихией. Исчез человек, осталось лишь захлебывающееся водой живое существо, жаждущее хотя бы еще на один глоток воздуха продлить свое земное существование.

Он встретил утро без сил и почти без сознания. Его измученное тело было распластано на двух уцелевших от плота обломках мачт. Но солнце нагрело его посеревшую от холода кожу. Кезон разлепил глаза, поднял к солнцу запекшееся единым синяком лицо и улыбнулся разбитым ртом. Он увидел чайку, подругу всех мореходов, первой приносящую им пронзительным криком радостную новость о близости твердой земли. Собрал остатки воли, оседлал остатки плота и принялся разгребать руками бирюзовую воду, помогая течению, которое огибало остров с юга, совсем близко подходя к прибрежным рифам. Близость спасения вернула ему силы.

Через какое-то время ему уже стало казаться, что он различает облака над центральной, самой высокой вершиной Баркида, где приказал своим слугам воздвигнуть храм богини Ювенты. Кезон удвоил усилия, неистово заработал руками и ногами. Стайки разноцветных рыбок кружились вокруг его ладоней. Мимо проплыл спутанный грязно-зеленый клубок водорослей. Вдруг его лицо исказила гримаса боли, а из горла вырвался хриплый крик. Белоперая акула, коварная рифовая жительница, подстерегающая неосторожных рыбаков и ловцов жемчуга, ловко подкралась к нему сзади и как бритвой срезала кусок мяса со свисающей с бревна беззащитной стопы. Кезон выдер-

нул из воды поврежденную ногу. Хищница сделала широкий круг, вновь готовясь к атаке. Ее поджарое тело распоролось гладь моря в двух версусах¹ от плота, когда Кезон в попытке спастись вытянул вдоль бревен руки и скорчился на поверхности. В локте от его лица в дерево вонзились острые зубы. Человек с размаху хватил кулаком ненавистную тварь по тупому рылу, на миг встретившись взглядом с ее выражающими только голод глянцевыми глазами. Акула нехотя отвалила в сторону и исчезла в глубине. Из одежды на нем оставалась лишь тонкая шелковая тога, плотную накидку он пустил на веревки. Кезон оторвал от тоги кусок ткани и торопливо принялся перематывать зияющую рану. Он страшился соскользнуть с останков плота в такую гибельную теперь синеву. В голове опять помутилось, человек со страхом чувствовал приближение беспомощности. Как нелепо погибнуть, когда спасение уже так близко. Перевязав ногу, вновь стал рвать свою одежду, стараясь, чтобы полосы ткани были как можно длиннее, а короткие — срастил между собой. Обмотав несколько раз веревку вокруг своего тела и бревен, Кезон прильнул к шершавому от испарившейся соли дереву, безучастно наблюдая, как из-под неуклюжей повязки скатываются в океан рубиновые капли. Сама жизнь сейчас вытекала из него, не оставляя шансов уцелеть. Как будут нужны ему эти силы, когда придется бороться с течением и преодолевать полосу рифов вплавь! Кезон закрыл глаза.

Они входили в бухту Нефритового рога широким вогнутом полумесяцем. Багряные паруса рдели на попутном ветру, предрекая жителям Запретного города боль и страдание. Стремительные монеры, легкие либурны, груженные десантом квинкверемы и даже несколько осадных левиафанов-эннер. Могучий, доселе непобедимый флот грозного Баркида явил ужасающую силу цветущему побережью, еще не ведающему своей судьбы, которая, казалось, уже предрешена. Кезон стоял впереди, на корвусе²

¹ Версус (*лат.*) — мера длины около 31 м. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Корвус (*лат.*) — прочный переходной мостик на носу судна, который позволял пехотинцам быстро перебраться на вражеский корабль в случае сближения с ним на достаточное для abordажного боя расстояние.

своей «Афины». Его взгляд настойчиво буравил берег, но не находил примет военных приготовлений, и черные совы на парусах взирали на Запретный город вместе с ним. Его окружали верные соратники. На палубе в боевом порядке замер первый манипул Парфянского легиона с золотой аквилой¹ по центру в руках огромного темнокожего аклифера. Седой легат Август Фортунат с лицом, на котором проложили глубокие борозды годы и вражеские клинки, справа от Кезона сжимал рукоять своего гладиуса². Ничто не предвещало грядущей беды. Лишь префект лагеря Сервий Коракс, нервно качая головой, промолвил сквозь свист ветра:

— Слишком тихо, правитель. Слишком тихо.

— Нас просто не ждали, Сервий, — удовлетворенно обронил Кезон.

— Они не могут быть настолько беспечными, государь. Я отказываюсь в это верить. Тут что-то не так. Остерегайся, повелитель.

И, как будто отвечая карканью этого умудренного жизнью ворона, сзади послышался отчаянный вопль:

— Брандеры на восемь часов!

Россыпь мелких, похожих на рыбацкие лодки пузатых суденышек вынырнула из-за рогов бухты и начала стремительно надвигаться на эскадру, словно подгоняемая самим богом смерти Оркусом.

Кезон переглянулся с префектом и, потратив лишь секунду на размышление, скомандовал:

— Поднять сигналы: «С противником не сближаться! Следовать за мной!» Удвоить счет гребцам!

Сзади дробно загрохотали «тамбуры милитаре», задавая новый ритм работы рабам на веслах. «Афина» дрогнула, убыстряя ход. Остальной флот следовал за своим флагманом.

Впереди море словно исторгло самое себя. От берега

¹ Аквила (*лат.* aquila — орел) — знак легиона в древнеримской армии в виде орла, сделанный из серебра или золота и размещенный на шесте, часто украшался металлическими кольцами.

² Гладиус — обоюдоострый короткий римский меч для ближнего боя, преимущественно колющего типа.

поднялась невиданная волна, а за волной со скрипом воздвиглась из пучины деревянная стена, усаженная острыми выступами, преграждая путь кораблям.

— Весла в воду! Анкера — за борт! — выкрикнул Кезон.

Скользнули вниз паруса, гребцы, разрывая жилы, уперлись в весла, но было уже поздно. Страшен оказался первый удар, перемалывающий носы и резные фигуры — символы и эмблемы кораблей, с такой любовью выточенные плотниками Баркида. И еще страшнее оказались камни и ядра, с воем вылетевшие из-за еще недавно безмятежных стен Запретного города. Сзади подошедшие брандеры уже оплетали черными змеями канатов баркидские корабли. В последние секунды в сапфировую воду с них срывались одна-две фигурки, и мелкие суденышки вмиг превращались в огнедышащие жерла вулканов. Корабли пылали и сгорали, по палубам метались обезумевшие люди, объятые пламенем, а надо всем этим летели смертельные, окованные железом зерна, запущенные из гигантских катапулт. Часть эскадры с трудом сумела оторваться от исполинской деревянной заградительной гребенки и, лавируя между факелами подоженных судов, попыталась уйти. Не удалось. В двух милях от берега их беспорядочный отступающий строй настигли кракены. Огромные поднявшиеся из океанских глубин осьминоги ломали липкими щупальцами борта, острыми клювами, словно тонкий папирус, пробивали деревянные днища.

Воины Баркида, увлекаемые тяжестью доспехов, шли ко дну, а тех, кто успевал избавиться от снаряжения и оружия, добивали с лодок длинными копьями подошедшие защитники Запретного города. В кровавой каше, казалось, никому не было спасения. Два кракена почти пополам разорвали тело «Афины». Хлынувший на палубу бурлящий поток воды увлек Кезона в морскую пучину. Он даже не сопротивлялся. Кезон искал смерти, звал ее, поскольку не в силах был безвольно наблюдать расправу над своим победоносным войском. Но по какой-то чудовищной иронии богини судьбы Децимы он выжил. Под перекрестьем рухнувших мачт, под прикрытием тела копьеносца-гастата Кезону была

уготована участь до самого конца зреть избиение своей армии и уничтожение флота.

Его оглушила упавшая сверху рея, и свет на миг померк в глазах. Не осознавая своих действий, в лазоревой толще воды Кезон освободился от доспехов и выплыл к поверхности. Вокруг погибавших кораблей уже сновали узкие лодки — навии — с вооруженными воинами. С лодок металы дротики, длинные копья быстро находили свои цели — беззащитные тела баркидцев. Как быстро они появились! Как слаженно и безжалостно действовали! Он в очередной раз нырнул, и уже безжизненное тело копьеносца над ним снова пробило вражеское копьё, как бы свидетельствуя о финале трагедии. Потом все стихло. Море лениво перекидывалось останками кораблей и трупами воинов. Волны на просвет отливали кармином. Кезон оседлал несколько деревянных осколков, связал их кусками парусины и веревками из ткани омофора, после чего начал свой безнадежный путь домой.

Рана на стопе под запекшейся бурой коркой повязки перестала кровоточить. Его слух различил вдали приближающийся шум прибоя и вместе с ним — надежду. Кезон выпрямился на плоту и до боли стиснул зубы. Он вдруг понял, что его разум, охваченный отчаянием, все это время спал, находился в заторможенном состоянии, очевидно, таким образом не давая хозяину сойти с ума. Иначе как он пропустил очевидное? Как, будучи проницательным политиком, признанным гением стратегии, он не смог различить то, что лежало на поверхности его молниеносного поражения. **ЭТО БЫЛО ПРЕДАТЕЛЬСТВО!** Как иначе они, защитники, смогли бы так подготовиться к вторжению? Как рассчитали все: и время, и силы, и средства — для того, чтобы сокрушить блистательный Баркид? Сколько времени потратили для возведения этого губительного подводного мола?

У Кезона всегда было много врагов и завистников, но этот *враг* — особый, затаившийся в своем коварстве где-то очень близко к нему, — дал Кезону сейчас самое главное. Он дал волю и силы, чтобы выжить. Потому что отныне

его жизнь вновь обрела утраченный смысл. Кезон вгляделся в приближающуюся полосу бурунов и приготовился к борьбе.

ГЛАВА 2

Андрей Винокуров. Сплошные неприятности

Я вел машину по стиральной доске пошехонской дороги и мудрствовал о Фрейде, Юнге и основном мотиваторе, примеривая по привычке высокоумные помыслы к своей жизни, как и полагается законченному эгоисту. Такой характеристикой окружающие награждали меня практически единогласно, и она периодически полностью или частично соответствовала действительности. Я думал в контексте этого самого долбаного мотиватора, почему мы хотим одного, целенаправленно этого добиваемся, а потом оказывается, что нужно совсем другое. И это еще в двадцати процентах случаев, когда человек вменяемо подходит к данному вопросу. Потому что еще в шестидесяти процентах он хочет одного, стремится к другому, получает третье, а себе представляет, что с ним произошло четвертое. В оставшихся двадцати процентах случаев люди вообще не задумываются над подобными вопросами, а просто плывут по течению. М-дя, если взглянуть на человека снизу — покажется, что мозг у него глубоко в заднице. Спросите любого полноценного взрослого мужчину о его отношении к семье и браку. Если вы достаточно втерлись к нему в доверие, то у вас появится шанс услышать искренний ответ. Каждый хочет считать себя в этом отношении альфой (имеется в виду градация самцов Дэвида Л. Меха), более того, в самопроекции он, может, так и выглядит, но каждый одновременно считает себя и жертвой определенных обязательств и обстоятельств. Каждый будет уверенно излагать свою позицию и время от времени тревожно стрелять в вас глазами, потому что точно знает, что лжет. А как же со мной? Как у меня получилось оказаться в этом потоке или стаде слабых умом и духом, будучи максимально подкованным в подоплеке данного вопроса? Когда я сам умудрился оказаться очередной жертвой

домостроя? Работа — дом — дача. Треугольник с неизбежным ежегодным пунктиром в сторону какого-нибудь курорта. Остается уныло ощущать, что на остаток твоей жизни карты уже сданы, и хочешь не хочешь, а играть свою партию ты обязан. Бросить и потребовать пересдачи? Бывают и такие ослы. В природе, по счастью, встречаются редко, но в обществе человек — сколько угодно. Хотя обычно проблема решается по-другому: «Завтра или послезавтра я что-нибудь придумаю». Вот-вот. Завтра-послезавтра — это два слова, которые лишают нас будущего, потому что дают мнимую, усыпляющую надежду на изменения. А потом приходит такое завтра, где по физиологическим причинам не остается места основному мотиватору. Звонок мобильного отвлек от досужего философствования. Меня, признаться, часто преследуют умные мысли, но я всегда оказываюсь быстрее.

— Да, слушаю.

— Привет, Андрей. — В трубке раздался голос моего заместителя. — Говорить можешь?

— Салют, угу. В смысле — да, могу.

Зам начал рассказывать о художествах нашего юриста. Лечебно-профилактический центр, принадлежавший нам, где лечили умеренно, а деньги драли всерьез, подписывал договор с кондитерской фабрикой о предоставлении медицинских услуг, в том числе медосмотров. Подписывал тяжело, потому что юристы имелись с обеих сторон, а это такая социальная прокладка, которая, честно отработывая свою зарплату, все время создает проблемы. Иногда мне казалось, что, если бы хозяева в таких случаях могли встретиться за рюмкой коньяка и договориться, что обоим юристов надо тихонько придушить шнурками от ботинок, подобные «головняки» с кучей согласований решались бы вмиг.

— Хм. — Я подвел итог всему, вылитому в потоке негодования моим партнером. — Он у нас, конечно, ослоид, но в одном ему отказать нельзя — ослоид беспристрастный и старательный. Суди сам, своими изменениями в протоколе разногласий он последовательно отымел обе стороны примерно в равных пропорциях.

Мы обменялись еще парой комментариев, я пообещал, что по приезде, завтра, решу вопрос, и отключился. Яркое зимнее солнце слепило немилосердно, и я опустил защитный козырек. Появился знак «Новая слободка». Я решил проскочить, слегка снизив скорость. Ямины ущербной дороги жизнеутверждающе стимулировали длинноходную пружинную подвеску моей машины. На выезде из деревни замерла «ауди» с мигающим поворотником. Еще притормозив, убедившись, что выезжающая машина стоит и не дергается, я вновь нажал на газ. И тут «ауди», словно очнувшись от забытья, тронулась с места и по-коровьему выехала на дорогу прямо передо мной. Утопив педаль тормоза в пол, я понял, что все равно не успеваю. Сейчас въеду в зад этому дебилу. Выкрутив руль в попытке обойти по встречной достойного представителя отряда приматов, который не почесался и не сделал ровным счетом ничего для того, чтобы как-то облегчить мою участь, не соскочил на обочину, например, не прибавил скорость, я выскочил в лоб летящей навстречу «мазде-тройке». Мелькнули гримаса и раскрытый рот водителя, я вновь крутанул руль, теперь уже вправо, чтобы избежать лобового столкновения, но вновь не успел и получил удар по касательной в заднее крыло. Меня крутануло по дороге на триста шестьдесят градусов, машина, вращаясь, почти погасила скорость, но погасила недостаточно и все-таки завалилась на бок в кювет. Разборки с подушкой безопасности, отстегивание и извлечение моего до смерти перепуганного тела из салона лежавшего на боку, как подбитый носорог, джипа заняли две-три минуты. Рядом с машиной уже стоял второй участник ДТП.

Первые его фразы стоит опустить по морально-этическим соображениям, потому что они полностью состояли из ненормативной лексики. Не ко мне обращенной, несмотря на наше столкновение, так как он в подробностях видел все его предпосылки.

— Регистратор есть? — наконец отдышавшись и разрядившись, выдохнул он. Я с сожалением отрицательно покачал головой.

— Номер этого упыря запомнил? — тоже с сожалением поинтересовался мой собрат по несчастью.

Вопрос был уместен. Мой пока незнакомый друг на «ауди», видя, что произошло за его спиной, вдруг проявил чудеса резвости и испарился за ближайшим поворотом.

— Нет. Но это ничего. Деревня небольшая — отыщем как миленького.

Мы дошли до «мазды», стоявшей на обочине. Удар, как я уже обмолвился, пришелся по касательной, и у машины оказался смят почти весь левый бок. Хорошо смят, основательно. Поговорив о страховке, судебных и иных перспективах разрешения проблемы, я предоставил своему спутнику вызывать полицию, а сам набрал на телефоне хорошо знакомый номер из того разряда, который набирается, если случилась беда. В нашей стране уже сформировалась неопределенная социальная группа людей, о которых принято говорить кратко, но многозначительно: «работник из органов в отставке». Люди там встречаются разные, но, как правило, если являются теми, за кого себя выдают, — уважаемые и способные решить любой вопрос. Просто они раньше делали это в интересах государства, а теперь — в своих. Евгений был как раз из этого разряда «решайл». Участие в двух чеченских кампаниях, вращение в двух сферах нашей жизни (и в «красной», и в «черной») снискало ему определенную известность в узких кругах. А жесткие методы достижения целей добавили веса к его имени. И знакомство с Женей Махониным, для некоторых — Махором, наверняка стоило бы мне кучи денег, не будь мы друзьями со школьной скамьи. А так — обходились взаимозачетом. Он мне — посильную помощь, я ему — лечение больной печенки, озонирование крови и периодические обследования в центре для него и его приятелей.

— Салют, Жень, удобно?

— Удобно — это когда холодильник находится в сортире. И функционально, и красиво. — «Забутафорил» Женька по своему обыкновению.

— Не нарушил звонком ничего романтического?

— Ага. Душа хочет романтики, пятая точка — авантюр. Побеждает то, что ближе к земле. Ладно, что стряслось?

— Попал в аварию. Лежу на боку сразу после «Новой слободки».

— Епрст. Сам-то цел? Жертвы есть вообще? Или психованные?

— Погремушку встряхнуло слегка, но в целом порядок. Жертв нет, все спокойны, как катафалки.

— Ты или тебя?

— Формально я, но есть один чудила, который мне помог. Он, кстати, свалил мгновенно по тихой грусти, не дожидаясь комплиментов. Хотя останься он на месте, возможно, жертвы появились бы.

— Пристегнут хоть был?

— Да, к счастью.

— Значит, так не узнал, почему переднее стекло называют лобовым? Счас приеду, не дрейфь. Ментов вызвал?

— Угу.

— Ладно, тяни время. Знаешь, что главное, если оказался в яме?

— Просвети.

— Немедленно перестать копать. Кури, не затягиваясь, короче, я буду через час.

После того как Женька повесил трубку, я сразу набрал номер Елены. Супруга не взяла мобильник. Что-то часто в последнее время она стала существовать отдельно от телефона. Несмотря на увлечение ландшафтным дизайном, жена большую часть времени проводила дома, распределяя свой досуг между шопингом, соцсетями и посиделками с подругами. Несколько однообразно, на мой взгляд, но не богатый внутренний мир или интеллектуальный багаж этой стройной брюнетки заставил меня обратить на нее внимание три года назад, на свадьбе одного из партнеров. Я позвонил Арине, четырнадцатилетней дочери жены от первого брака, которую она произвела на свет в восемнадцатилетнем возрасте. Тот же результат. Это какой-то заговор против главы семейства. Недаром говорят, что, если человек счастлив более одного дня, значит, от него что-то скрывают. Обидно как-то. Стоишь около по-

мятой, как консервная банка, машины, можно сказать — чудом избежав смерти, а дома никто и ухом не ведет. Нет, конечно, я несправедлив к приемной дочери. Арину воспитывали в основном бабушка с дедушкой, и она выросла очень самостоятельным и решительным ребенком. Отношения у нас сложились достаточно приятельские, ровные, без скрытой взаимной неприязни, как это часто бывает. Девочка уже несколько лет наблюдала безуспешные попытки своей мамы наконец-то устроить свою личную жизнь, пока я не объявился на горизонте. Я показался кандидатом не хуже прочих, да и потом проявил себя достойным образом: не ограничивал личную свободу, признавал, так сказать, ее право на суверенитет и самоопределение. Этого оказалось достаточно, и меня приняли с симпатией и даже долей детского кокетства. Мы вместе отлично проводили время, в последний месяц даже оказались одержимы идеей фикс — купить металлодетектор и заняться кладоискательством и поиском исторических реликвий. Не из-за жажды наживы, а ради здорового активного отдыха, длинных пеших прогулок по полям и лесам с сумкой для пикников и всего такого. Признаться, я задумал это, как нечто, нас объединяющее, так сказать — некий элемент тимбилдинга, и семья с энтузиазмом меня поддержала. Чего еще желать? Я достал пачку сигарет и закурил. Подошел мой товарищ по несчастью, со словом «бросаю» стрельнул одну и также закурил, рассматривая покоренный бок моего джипа.

ГЛАВА 3

Летопись Кезона. Прибытие

Вот и все. Ушли последние силы, и прибрежные воды сомкнулись над его головой, словно накидывая прозрачный изумрудный саван на измученное тело. Кезон упрямо сжал зубы, погружаясь в пучину. Наконец после бесконечных нескольких секунд его правая, неповрежденная нога коснулась песчаного дна. Да или нет? Да!!! Родная целебная энергия Баркида хлынула внутрь своего пове-

лителя, воодушевляя и наполняя его. Кезон неловко оттолкнулся, беспорядочно загребая руками, всплыл, хлебнул воздуха и вновь опустился на дно, но уже на несколько шагов ближе к берегу. С каждым разом его толчки были сильнее и уверенней. К нему возвращались сила и утраченные в нейтральных водах навыки. Из приюта он вышел, хоть и преодолевая боль, но уже на двух ногах, и набегающая на узкую полоску литорали волна не смогла его свалить. Кезон добрал до ближайшей пальмы, опустился на колени и припал губами к земле. Потом мысленно связался с Суллой, своим глашатаем. Дав приблизительные координаты места, где он находился, Кезон приказал ему немедленно отыскать себя и принести целительные зелья и одежду, но строго наказал — пока о его появлении никому ничего не сообщать. Следовало привести себя в порядок, прежде чем возвращаться во дворец, несомненно, сейчас представлявший собою настоящую обитель скорби. Понимая, что весь Баркид охвачен трауром по павшим, он не хотел предстать перед подданными сломленным, утратившим веру, истерзанным страданиями смертным. Он желал снова стать полубогом, но полубогом, без остатка охваченным гневом и жаждой мщения за свои неудачи. Он воздаст своим врагам за все. За погибших друзей, за уничтоженный флот, за поруганные штандарты, за развенчанный миф о непобедимости Баркида, создававшийся им годами. Кезон опустился на сухие пальмовые листья в тени дерева и наконец-то смог впервые за несколько дней спокойно заснуть.

Когда через несколько часов он вновь открыл глаза, уже начало смеркаться. Сулла сидел в пяти шагах и терзал огромным клювом какую-то несчастную мышь. Белоголовый орлан-исполин, четырехметровым размахом крыльев способный нагнать страх на кого угодно, явился на зов повелителя. Рядом с Кезоном на охапке прелой травы валялась пузатая бутылка с эликсиром, к которой тот немедленно припал. Бутылка лежала одна, а одежды не было вовсе. Целебное зелье сразу стало работать, Кезон с удовлетворением наблюдал, как затягиваются на теле раны и порезы, как покрывается розовой кожей разорванная аку-

лой стопа. Сулла аккуратно переставил могучие лапы и поближе переместился к хозяину. Его голова несколько раз комично склонилась, принимая своеобразную позу почтительности.

— Как дела в городе?

— Все спокойно. Волнения улеглись.

— Хорошо. Почему только одно зелье? И где моя одежда?

Сулла беспокожно повертел клювом.

— Я не умею воровать, повелитель. Я — глашатай. Мне и это было трудно достать.

— Воровать? Почему тебе пришлось воровать? Почему не взял из моих запасов во дворце?

— У тебя больше нет дворца, сир. И слуг нет.

Кезон рывком поднялся с земли.

— Вот, значит, как. Кто сейчас у власти? Куда смотрели Стратор и Ульпий? Как допустили переворот? Лишь шесть страж я плыл на бревнах от Запретного города и вернулся, чтобы застать свое государство в руинах!

— Четыре дня? — Сулла угрюмо выдержал его взгляд. — Нет, не через океан лежал путь твоего возвращения. Три месяца тебя носило по Морю Безвременья, государь! И пока тебя не было, тут произошло многое.

— Юпитер всемогущий! — вскричал Кезон и обхватил голову руками.

Хоть и низвергнутый правитель, но по-прежнему великий человек, он сумел быстро взять себя в руки. Он выжил. Он вернулся. Он отомстит. Сулла не сводил с хозяина немигающего взгляда.

— Вот, оказывается, каков гнев ушедших Иерархов! Каким болваном я кажусь себе теперь! Я попал в зону хронопарадокса. Впрочем, мне следовало предвидеть. Говори.

— После того как ты, государь, увлек своих сторонников в экспедицию против Запретного города, жрецы принесли жертвы в храмах. И все стали ждать вашего возвращения или гонцов с вестями о победе. Готовился триумф Кезону и его гвардии. Но прошла неделя — и ничего. Наконец, переродившись в ворона, вернулся Коракс и рас-

сказал о разгроме. В городе начались волнения. Альба Лонга и Дакия восстали. Ульпий взял власть, а Стратор с войсками отправился умирять колонии. Народ ждал перерожденных. Но почти никто не возродился. Всех как будто поглотила пучина. Город пребывал в отчаянии. Во всем винили тебя, владыка. В храмах поносили твое имя, которое вскоре стало проклятием. Теперь его вообще вычеркнули из исторических анналов, а если хотят упомянуть о твоём правлении, тебя именуют просто — Диктатор. Ульпий и Стратор объявили об учреждении консульского правления, где Ульпию принадлежит светская власть, а Стратору — военная. Вскоре прибыло посольство Запретного города, и отныне между нашими державами — военный и торговый союз. Альба Лонга получила автономию, Дакия — статус протектората, где от руки Стратора правит его младший брат Феликс. Твоего префекта держат в теле ворона в храме Ювенты.

— Зачем глумятся над стариком? Им он не сделал ничего дурного!

— Кроме того, что не признал власть Консулов. Он — живое напоминание глубины твоего падения и символ силы новой власти.

— А что моя жена? И наложницы?

— Недолгим оказался твой брак. Корнелия отреклась от тебя, государь. Ходили слухи, что ее к этому принудили, но разве это меняет дело?

— Непостоянство... Имя тебе — женщина, — прошептал Кезон.

Сулла, не обращая внимания на муки господина, механически продолжал перечислять факты.

— Чтобы соблюсти закон, тебя официально, в храмах, объявили покойником. Корнелия приняла ухаживания Стратора. Через две недели состоится их бракосочетание в храме Ювенты. А наложниц Ульпий отдал в Публичный театр, и теперь их каждое воскресенье можно увидеть во время представления труппы театра на площади богини Русины. Твоя личная стража пыталась оказать сопротивление, но бунт жестоко подавили. Тела павших выставили за ворота города на всеобщее осмеяние.

Кезон рывком встал, в ярости потрясая кулаками. Ослепленный гневом, он подскочил к изогнутому стволу пальмы и принялся неистово колотить по нему, изрыгая проклятия. Разбив руки в кровь, без сил опустился на сухую листву. Его голова поникла. Но всего лишь на несколько секунд. Только на мгновения скорлупа, скрывающая личность сверхчеловека, треснула и показала его истинное лицо — лицо, искаженное горечью утраты, лицо мятущегося и безмерно страдающего от горя смертного, — а потом он вновь проявил свое необыкновенное самообладание и холодно спросил:

— Это все?

— И да, и нет. Рассказать можно еще многое... Но смысл один — тебе нельзя, сир, появляться в городе. Тебя немедленно схватят и после «легис акцио»¹ придадут позорной казни. Скорее всего, в тайне, чтобы не волновать народ.

— У меня нет армии, нет слуг и сторонников, у меня нет жены, дома и даже одежды! Что посоветуешь, мой глашатай? Похоже, ты один хранил мне верность. Ты — единственный мой советчик.

— Я не советчик, а всего лишь слуга. К тому же — с клювом вместо рта.

— Твой клюв всегда изрекал мудрые вещи, а глаза с высоты видели многое, недоступное людям. К тому же мне не из кого выбирать. Я готов принять твои советы, Сулла, какими бы они ни были. Вещай, глашатай, я даю тебе на то мое дозволение.

— Не знаю, владыка, я не могу желать тебе смерти, это противно моему естеству, но, может, стоит переписать заново страницы твоей жизни? Начать все с чистого листа?

— Ты советуешь погибнуть и переродиться? Это скверный совет, Сулла. Кто сразит меня? Равный? Ты же знаешь, что их нет. Я превосхожу любого из воинов Баркида. Значит, в случае смерти мне суждено быть отброшенным на два-три уровня назад и влачить не месяцы, а годы в теле низших существ. За это время огонь, который переполня-

¹ От *лат. legis actio* — действие, установленное законом. Здесь — официальный суд по Римскому праву.

ет меня, спалит изнутри мою душу дотла, иссушит мои вены, выжжет мне глаза.

— Огонь? О каком огне ты говоришь, владыка?

— Об огне моей мести и пламени моей ненависти. Я вижу, Сулла, что в глубине души ты осуждаешь нашу экспедицию в Запретный город. Не спорь, за годы, которые мы провели вместе, я научился читать твои мысли. А знаешь ли ты, что ужасная цена, которую все заплатили за нее, — цена предательства? Нас ждали, чтобы уничтожить. И сегодняшний альянс Баркида с Запретным городом, оформившийся так быстро после войны, — наилучшее тому доказательство. Измена, как червь, подточила нашу плоть, проделала ходы внутри тела нашего государства. Вот страшная разгадка поражения, Сулла, и клянусь Юпитером, кто-то ответит мне за это.

— Ты думаешь, что Ульпий и Стратор...

— Либо порознь, либо сообща вступили в сношения с Запретным городом. Я знаю это так же, как и то, что меня зовут Кезон Юстиниан, что значит Справедливый, и я вернулся, чтобы отомстить. Веди меня к Камню Иммерсии, я понял, что мне следует делать.

Сулла, уже несколько секунд к чему-то настороженно прислушивавшийся, комично подергал головой вверх-вниз и издал отрывистое клекотанье.

— Сюда идут.

— Нас выследили?

— Не знаю. Возможно.

В десятке стадий от них заросли самшита раздвинулись, и на пляж из кустов выбрались три стражника с пилумами¹ и skutумами² в руках. Не люди — всего лишь юниты. Регулярная стража. Кезон быстро отвернулся, меняя внешность. Стражники переглянулись и решительно направились к ним. Локтях в пяти лидер патруля, вете

¹ Пилум (*лат. pilum*) — древковое холодное оружие римских легионеров, разновидность дротика, предназначенная для метания в противника с небольшого расстояния.

² Skutum (*лат. scutum*) — большой легионерский щит; как правило, имел прямоугольную или овальную форму в плане и скругленную при виде сверху.

ран-принцип в серебряной лорике¹ тонкой работы остановился, воткнул в песок щит и поднял левую руку.

— Незнакомец! Откуда ты и что здесь делаешь?

— Я всего лишь несчастный моряк, потерпевший кораблекрушение...

— Что произошло? Откуда шло твое судно? Какой груз был на борту?

— Наш актуарий² вышел из Дакии три стражи назад с грузом пальмового масла. На подходе к Баркиду западный ветер бросил нас на рифы. Мои товарищи спустили шлюпку, но я упал за борт, уцепился за рею и добрался до берега. Я измучен и не могу идти.

Принцип повернулся, обратив грозный взгляд на Суллу.

— Глашатай Диктатора! Ты должен предстать перед претором³. Следуй за нами. Незнакомец — ты тоже!

Кезон поднялся на ноги.

— Я уже сказал, что слишком измучен, чтобы идти.

Принцип сдвинул брови.

— Сопротивление? Карается смертью!

— По какому праву вы задерживаете меня? Я не сделал ничего дурного! Или Баркид больше не свободный город?

— Мы не обязаны отчитываться перед тобой. Мы поведем тебя силой.

Стражники шагнули вперед. Принцип сделал движение копьем. Кезон перехватил пилум и дернул к себе, одновременно выбросив вперед правую руку. Его кулак вошел точно в кадык ветерану. Послышался хруст шейных позвонков. Правая ладонь Кезона описала полукруг и врезалась в шею другому стражнику. Голова того в шлеме-галлее мотнулась в сторону, а ноги подкосились. Третий стражник попытался проткнуть противника пикой,

¹ Лорика сегментата (*лат.* *Lorica segmentata*), или сегментированные латы — тип сегментированного доспеха, использовавшегося исключительно в Римской империи.

² Актуарии — быстроходные корабли, которые римляне использовали как для несения дозорной службы, так и для перевозки грузов.

³ Претор (*лат.* *praetor* от *praеіre* — идти впереди, предводительствовать) — государственная должность в Древнем Риме, должностное лицо, которому принадлежит высшая судебная власть.

но Кезон мгновенно ушел с линии атаки и обеими руками ударил противника в грудь, точно ломал стену. Несмотря на панцирь, Кезон почти физически почувствовал, как у того разом разорвались все органы внутри, пузырьками альвеол лопнули легкие, в брюшину плеснули кровь и желудочный сок.

Сулла, оставшийся недвижимым все время схватки, щелкнул стальным клювом.

— Отлично исполнено, сир. Теперь мы оба, считайте, покойники.

Три тела на песке. Два — с неестественно вывернутыми шеями. Кезон вздохнул.

— Мне пришлось пролить кровь невинных. Они вынудили меня сделать это. Обратной дороги нет. К Камню Иммерсии, Сулла! Нам нельзя терять ни минуты!

ГЛАВА 4

Андрей Винокуров. Неприятности только начинаются

Женька уложился в сорок пять минут. Не иначе — гнал как сумасшедший. Он выбросил из черного «лексуса» свое сухое тренированное тело, пожал нам со вторым участником ДТП руки и принялся обзрывать последствия аварии. Невысокого роста, ладный, но не массивный, с артистически сломанным носом, он производил удивительное впечатление на окружающих, чему я неоднократно являлся свидетелем. Например, он мог в кабаке тихим голосом порекомендовать какой-нибудь буйной подвыпившей компании вести себя потише, и его распоряжение выполнялось неукоснительно. Всегда. Причем люди совершенно не имели понятия, с кем имеют дело. Кстати, с их стороны это была единственно правильная линия поведения. Не обладая внушительными габаритами, не являясь качком, борцом, боксером или каратистом, Женя имел в арсенале ужасающий по силе удар с обеих рук, действовал всегда стремительно и жестко, невзирая на имена, лица, титулы или звания. Он мог запросто уложить пяте-

рых человек ухом на холодный тротуар за неполные десять секунд, и на моей памяти никто ни разу не потребовал добавки. Как-то раз, при защите, между прочим, моих интересов, ему пришлось ворваться в домик к компании лесорубов из шести человек, заряженных до бровей некачественным алкоголем и совершенно не воспринимающих окружающее. Потребовалось наказать одного ловкача, который взял некие деньги за рубку сруба для моей дачи и решил, что это все, что от него требовалось. Никаких действий после моего финансирования проекта не предпринималось, на телефонные звонки детина реагировал с философским спокойствием законченного проходимца, не утруждая себя даже отговорками и обещаниями. Клинический случай. Ум у человека был светлый... можно сказать, прозрачный. Экзекуция над провинившимся горе-бизнесменом была совершена мгновенно. Представьте себе: шесть здоровенных рыл с топорами в руках, пять из которых — друзья потерпевшего. Так вот, поразительно, но никто даже не попробовал вступить. Наоборот, не боявшиеся ни Бога, ни черта здоровяки, почти все с отмотанными сроками, только усилием воли удерживали себя на месте, чтобы не броситься наутек. И так было каждый раз. Вот такой Женя. Вот такое он производил впечатление. При этом — я не помню случая, чтобы за годы знакомства и дружбы он в компании сказал кому-то грубое слово или как-то обидно задел собеседника. Первым. За полчаса до появления эвакуатора и доблестных сотрудников ГИБДД Женька успел смотаться в деревню и выяснить имя и телефон хорошего парня на «ауди», что чуть не отправил меня на тот свет. Между ними состоялся короткий, но весьма содержательный диалог по телефону.

— Привет, это Александр Егоров? Александр, ты хорошо меня слышишь? Вот и отлично. Александр, час назад на выезде из Новой слободки ты подрезал «крузак» на повороте. Чтоб не врезаться в тебя, «крузак» ушел на встречу, прямо в лоб «мазде-третьей». А ты уехал. Не могу понять, ты что думал, когда сваливал? Что потом тебя не найдут, что ли? Авария, люди пострадали, а ты все это устроил и даже не остановился помочь. Нехорошо,

Александр. Какие претензии? А сам как думаешь? Ах, не нарушал? Значит, завтра в двенадцать подъезжай к «Алмазу», будем разговаривать. Кто нарушал и кто не нарушал... Занят? Постарайся смочь. Короче, захочешь — сможешь. На твоём месте я бы смог. Все, пока, падай.

Второй водитель, стоявший рядом и прислушивавшийся к Женькиному разговору, удовлетворенно хмыкнул. Мы обменялись контактами, заполнили формы с подъехавшими сотрудниками полиции. Мой джип загрузили на эвакуатор, «мазда» могла идти своим ходом. Женья дал адрес сервиса, куда надлежало доставить мою пострадавшую тачку, мы забрались к нему в «лексус» и двинули в направлении дома.

Когда мы припарковались около моего подъезда, хронометр на приборной панели отщелкивал уже восьмой час. Я пригласил друга зайти, выпить чаю, мне партнер из Пекина привез жасминовый — прозрачный пакет с целым гербарием внутри. Женька не отказался. Пока я возился с ключами и домофоном, он окинул взглядом окрестности и спросил:

— Жену хоть поставил в известность о своих успехах?

— Звонил раз. Трубу не берет. Да ладно, лучше сам расскажу, а то нервничать только будет, если по телефону.

Мы вошли в подъезд. Женья обернулся и кивком головы указал на улицу.

— Там на скамейке какой-то тухломордый тип сидел в золотых очках. Ты его знаешь? Или видел раньше?

— Даже не обратил внимания. А что?

— Да ничего. Просто уставился на тебя, будто ты ему деньги должен.

Заметив, что я обернулся к подъездной двери, Женья хлопнул меня по плечу и легонько подтолкнул вперед к лестничной площадке:

— Ладно, проехали. Топай давай, мне еще сегодня с собакой гулять.

Лифт доставил нас на пятый этаж. Привычно щелкнул замок, я открыл дверь, пропуская друга вперед. В прихожей и дальше в квартире, несмотря на вечер, не горела ни одна лампа. Не работал телевизор, не было слышно ша-

гов. Тишина и темнота склепа. Странно. Раздевшись, мы зашли в зал и остановились на пороге как вкопанные. Есть такое выражение — «подогнулись колени». Вот и я испытал нечто подобное. Темная комната едва озарялась тусклыми отсветами светодиодов работающего под столом системного блока и бледной маской монитора. На стульях перед компьютерным столом замерли два неподвижных силуэта на фоне окна — фигуры жены и дочери. Ни звука, ни жеста. Два изваяния. Уже осознавая, что случилось нечто ужасное, я не смог заставить себя сделать шаг, чтобы обойти и посмотреть на их лица. Рядом Женя щелкнул выключателем и зажег люстру.

— Это еще что за хрень? — охрипшим вдруг голосом спросил он. — Давай, очнись, посмотри, живые — нет?

От этих простых слов друга я тут же вышел из ступора. Подбежал, проверил дыхание. Дыхание ровное у обеих. Уже хорошо. Сердце, само собой, бьется, пульс в норме. Удивительно для такого состояния. На прикосновения не реагируют. На обморок не похоже. Скорее на обычный глубокий сон. Перенес жену на диван, достал фонарик, приподнял веко, посветил в зрачок. Никакой реакции. Перевернул на бок, чтобы избежать западания языка. Женя стоял рядом, не мешал.

— Что с ними?

— Синкопальное¹ состояние. Думаю ввести кордиамин с глюкозой. У меня вроде есть. — Я положил дочь на пушистый ковер рядом с диваном и выпрямился, чтобы отдышаться и решить, что делать дальше.

— Не разбираюсь я в этой музыке. Это что, наркотики? Передоз?

— Возможно. — Я набрал телефон нашего центра. — Черт-те что творится сегодня....

Трубку взял дежурный врач.

— Вечер добрый. Это Винокуров. Немедленно подготовьте реанимационную палату к приему двух пациентов. Вызовите Дубинина. Препараты — кордиамин, атропин, мезатон, раствор глюкозы, бета-андреноблокаторы. Буду

¹ Синкопальное состояние (обморок, синкопе) — преходящая потеря сознания (ППС) вследствие общей гипоперфузии мозга.

через двадцать минут. — Я отключился. — Женя, поедем на твоей машине. Девушек моих положим на заднее сиденье. Обложим подушками. Милицию бы не вызвали — два тела выносить будут.

— Конечно. Ну и дела, брат. С органами я как-нибудь порешаю. Найду, чем уши оттоптать, ежели что.

В прихожей раздался звонок.

— Кого там еще принесло? Соседи, не иначе. Жень, спровадь, кто бы ни пришел.

Я опустил на корточках рядом с женой и дочерью. Дорогие мои, что же с вами случилось? В прихожей раздались негромкие голоса. Буквально через минуту Женя вошел в гостиную, наклонился ко мне и сказал:

— Слушай, там этот очкарик приперся. Помнишь, тот, что у подъезда торчал на лавочке? Говорит, к тебе по поводу жены и дочери. Ты бы вышел. Похоже, он что-то знает.

Я поднялся и прошел в коридор. На пороге стоял субтильного вида мужик лет сорока. Одет прилично. Кожаная куртка из бутика, джинсы, очки в дорогой оправе. Держится спокойно, уверенно.

— Здравствуйте, вы Андрей?

— Да. А вы кто?

— Я — Герман. Я пришел, чтобы помочь.

— Помочь с чем?

— Ваша жена и дочь сейчас без сознания, верно? — Он говорил не торопясь, глядя мне прямо в глаза. Лучший психологический прием, чтобы успокоить собеседника и вызвать доверие к своим словам. Я в этом деле сам знал толк, поэтому ответил автоматически.

— Да, верно. Я сейчас отвезу их в свою клинику.

— Не надо этого делать. Этим им не поможешь. — Увидев мой панический взгляд, Герман поправился: — В смысле медициной не устранишь причину их нынешнего состояния. Сразу хочу предупредить — в настоящий момент опасности для их жизни нет. Их здоровью ничто не угрожает. Это не наркотики и не обморок, — добавил он, словно читая мои мысли.

— Вы знаете, что произошло?

— Вы их трогали? — деловито осведомился Герман, не отвечая на мой вопрос.

— Перенес от компьютера и уложил в горизонтальное положение.

— Что-нибудь вводили? Какие-нибудь препараты? Я знаю, вы врач...

— Не успел. Только собирался.

— Вот и отлично. Ничего не нужно вводить. Компьютер включен? Вы не пытались его отключить? Хотя это у вас и не получилось бы, но все же?

— Включен. Не трогал. Может быть, вы уже....

— Да-да, я за этим и пришел. Я знаю, что произошло и что с этим делать. Где мы можем побеседовать?

Женя, тут же превратившийся в Махора, решительно обошел Германа, преграждая тому путь к двери, щелкнул замком. Обняв его за плечи, мой друг ласково сказал:

— Пойдем на кухню, друган. Там и расскажешь нам все.

ГЛАВА 5

Летопись Кезона. Камень Иммерсии

Под ногами бегущего Кезона шуршала прелая листва джунглей. Теперь он был вооружен — от принципа ему достался видавший виды гладиус в кожаных потертых ножах. Туника ветерана пришлась ему впору, а от кольчуги пришлось отказаться — не подошел размер, да к тому же он не хотел отягощать себя лишним сейчас грузом. Он двигался быстро, хотя и испытывал муки от того, что не удержался и с жадностью проглотил несколько кусков лепешки из сухого пайка поверженного патрульного. Желудок за несколько дней голодовки отвык от пищи, и теперь внутренности Кезона вновь сводили колики. Несколько раз над верхушками деревьев он видел широкие крылья Суллы. Орлан то взмывал в небеса, чтобы увеличить обзор, то возвращался к повелителю. Среди кустарника и переплетения лиан Кезон заметил нескольких окапи, их огромные ланьи глаза без испуга разглядывали опрометью несущегося по звериной тропе человека. Еще до того ему

несколько раз заступали путь семьи тапиров, спешащие по своим делам. В кронах деревьев перекликались птицы, были слышны истошные обезьяньи крики. Лес наполняла обычная жизнь. Южная оконечность Баркида, протянувшаяся с севера на юг на добрых девяносто миль, всегда была местом диковатым и малозаселенным. Кезон знал, что природа здесь почти не тронута посевами или фруктовыми садами и сохранила первозданность, задуманную неведомым архитектором. Побродив вдоволь по джунглям, можно было наткнуться на селение блеммий — безголовых человекообразных существ, впервые описанных Плинием, или выйти на скопление хижин панотий — нелепых ушастых созданий, которым уши служили и одеялом, и одеждой. Пробежав уже более пяти десятков стадий, Кезон еще ни разу не встретил сатира, а они тут, насколько он помнил, редкостью не являлись. Он прикидывал на бегу, откуда могли тут взяться стражники, и пришел к выводу, что дозор пошел к берегу от ближайшей сторожевой заставы, заметив в небе гигантский профиль Суллы. А это значит, что их в скором времени хватятся, будет объявлена тревога, и по его следам немедленно пошлют следопытов из южного гарнизона, убийц, обученных выслеживать жертву в джунглях — будь то сбежавший раб или дезертир — безжалостных, неумолимых, быстрых, как ветер. Это ничего. Добыча ускользнет от них на этот раз, а если этого не случится, то горе охотникам, которым удастся нагнать свою дичь. После стычки на пляже Кезон чувствовал отвращение к убийству, но вновь убил бы, если бы у него не оказалось иного выхода. Он замедлил шаг у небольшой лесной речушки, извивающей свое узкое русло между стволов древесных исполинов. Отвязав от пояса бурдюк стражника, Кезон вылил в иссохшую жаждой глотку два секстария молодого терпкого ликийского вина разом и перевел дух. В тот же момент каудата — гигантский реликтовый крокодил, поджидавший свою жертву на дне ручья, — напал на него прямо из-под воды. Но огромная, не менее пятнадцати локтей туша оказалась небрежно отброшена мощной дланью как вязанка хвороста, а через мгновение хвост крокодила ухватила могучая

рука. Рептилию раскрутили в воздухе, как метатель раскручивает боло, и с размаху треснули мордой о ближайший ствол. Уже через сто шагов Кезон пожалел о своем опрометчивом поступке, но возвращаться не стал. Первый же разведчик, который пойдет по его следу, увидев раздробленную голову крокодила весом в полтора десятка талантов, легко восстановит картину схватки и поймет нечеловеческую силу того, кто прошел тут перед ним. А это значит, что Кезон невольно дал повод себя обнаружить. И теперь его начнут травить всерьез. Уповая лишь на санитаров джунглей, неусыпно днем и ночью блюдушщих свои обязанности, Кезон продолжил путь. Через небольшое время, сопровождаемый испуганными криками обезьян и попугаев, на тропу перед ним опустился Сулла. Его правая лапа и клюв были в крови. В крыле застряла тонкая стрела с белым оперением.

— Господин, до Камня Иммерсии осталось менее часа пути. Я успел долететь до него и увидеть — Камень охраняется.

Кезон аккуратно вытащил стрелу и промыл своей слюной рану преданному глашатаю.

— Небывалые вещи творятся в Баркиде! С какой поры Камни взяты под охрану? Тем более — в такой глуши, вдали от города и селений?

— Того не знаю. Сам был поражен. В меня начали стрелять сразу. Да еще пустили в погоню стаю ястребов. Пришлось отбиваться.

— Спасибо, Сулла. Там, у Камня, ты мне не понадобится. Поэтому я тебя отпускаю. Мои враги будут тебя искать. Лети в Западные горы, Сулла. Спрячься, затаись. На склонах гор растет ярко-зеленая трава, которую любят горные бараны. Позже я призову тебя к себе. А пока прощай — ты всегда был мне верным слугой. — Кезон подошел и ласково потрепал глашатая по круглой кожистой голове.

В другое время гигантский орлан возмущился бы такой фамильярности хозяина, но теперь он лишь печально заклекотал и промолвил вслед уходящему в стену лиан Кезону классическую фразу:

— Приветствую павшее величие!

Бывший владыка Баркида махнул рукой образованному приверженцу и скрылся во влажной тесноте тропического леса. Он шел навстречу изменившей ему судьбе.

Лес внезапно закончился свежей вырубкой. Вдали на поле трудились пеоны, корчуя землю. Похоже, Ульпий решил взять под контроль все точки Иммерсии на острове и заложить здесь деревню. У массивного двухметрового Камня Перехода вокруг небольшого костерка расположился десяток стражников. Внимание Кезона привлекла фигура в расшитом золотом паллиуме¹. Человек. Игрок. Вот так сюрприз. Кезон присмотрелся. Лицо незнакомое. Очевидно — неофит, сосланный на обязательную караульную вахту. Что же, значит, Ульпий не надеется на стариков и вербует себе новую гвардию? Занятно. Часовой заметил Кезона и издал предостерегающий выкрик. Все стражники повскакивали с мест и взяли оружие на изготовку. Двое из них, лучники, положили стрелы на тетиву. Человек в золотом плаще вышел вперед, положив правую руку на висевшую у пояса фалькату², и принялся рассматривать приближающегося незнакомца. Рассматривать небрежно, с позиции силы и превосходства. Когда до Кезона оставалось не более десятка шагов, он предостерегающе поднял вверх левую руку.

— Остановись! Назови свое имя и причину нахождения тут!

Кезон пожал плечами.

— Мое имя — Верпий. Я приплыл из Альбы Лонги. Цель визита — хочу побывать в Баркиде. Но путь до столицы долгий — мне необходимо сделать небольшую передышку.

— Это не твоя птица недавно кружила над нами?

Кезон уже почувствовал волнение Камня. Фактически он имел возможность начать переход прямо тут, но не мог

¹ Паллиум (*лат.* Pallium) — римское название для верхней греческой одежды, как то: гиматия, фарос, хлена, пеплос, ксистида, хламида, трибон и т. д.

² Фальката — античный меч серповидной формы, имевший хождение на территории Средиземноморья.

отказать себе в желании немного поболтать с этим легавым щенком Ульпия.

— Не понимаю, о чем ты. Мое животное — ремора¹, именно на ней я доплыл до Баркида.

Неофит задумался. Заколебался. Но долг взял верх над вежливостью.

— Тебе необходимо засвидетельствовать свое почтение местному претору. Он находится на сторожевой заставе, в пяти милях к востоку.

— Что за чушь? — Кезон постарался искренне сымитировать возмущение. — Зачем мне возвращаться туда, откуда я пришел? Доберусь до Баркида и отмечусь в магистрате. Что это за новшества — не допускать Игроков до Камней Выхода в Реальность? Кто и когда придумал такую бредятину?

— Я не буду обсуждать с тобой указы Консулов. Просто сделай то, что от тебя требуется. И покончим с этим.

— А если я не желаю?

— Нам придется применить силу. Ты на прицеле у стрелков, не забывай.

Кезон расхохотался.

— Так пусть спускают тетиву. Посмотрим, что у вас получится. Об одном тебя прошу, юноша, не пожелавший себя назвать, не начинай того, чего не сможешь закончить!

Через секунду он уже уклонился от стрел и отбивал бешеные удары тяжелой фалькаты. Как он и предполагал, новичок еще толком ничего не умел. Зато стражники надвигались с похвальной дисциплиной — строем и организованно. Кезон выбил меч у неофита, подсек его ударом ноги под колено и окончательно сбил с ног тяжелым кулаком, не забыв приставить острие гладиуса к пульсирующей вене на шее молодого недоумка.

— Всем отойти назад и сложить оружие у костра. Иначе ваш начальник умрет.

— Он нам не начальник, — проворчал один из страж-

¹ Ремора (эхиней) — в греческой и римской мифологии гигантская рыба с присоской на голове, задерживающая в пути корабли. Название «ремора» (от *лат.* Remora) переводится как «препятствие», «помеха».

ников. — А всего лишь присланный из столицы инспектор.

— А-а-а, ясно теперь. Но вы подчиняетесь его приказам?

Стражники хмуро потупились, явно прикидывая, что им будет за сегодняшней инцидент. Кезон решил стимулировать их размышления дополнительными доводами.

— Это моя милость к вам. Я могу передуть всех вас голыми руками, просто ищущую возможность сохранить ваши жизни. По-моему, вам стоит мне в этом помочь. Право, жаль убивать хороших солдат. Порка, кастигация все же лучше мучительной смерти, так ведь, воины? — Видя нерешительность на их лицах, Кезон пнул ногой лежащего новичка:

— Ну, давай, приказывай, инспектор. А потом побеседуем.

После часового допроса Кезон выяснил для себя все, что смог выжать из юнца. Расправив члены и прочитав небольшую напутственную проповедь о главенствующей роли головы в действиях человека, Кезон сделал несколько шагов и растворился в воздухе.

ГЛАВА 6

Андрей Винокуров. Ничего не понятно

Герман прошел в кухню и по-хозяйски расположился за столом. У меня сразу появилось противное ощущение, что он здесь уже не в первый раз. Я уселся пред ним на табурете, Женька, скрестив руки, замер в дверном проеме. Повисло молчание.

— Знаете, Герман, давайте без драматических пауз, пожалуйста, — поторопил я незваного гостя. — Времени на это просто нет.

Он кивнул, признавая справедливость моих слов. Несмотря на очевидное давление и явно недобрую фигуру Евгения, надо было отдать ему должное — он чувствовал себя вполне в своей тарелке. Чего я не мог сказать о себе.